

Органъ "Лиги Возрожденія Казачества"

Казачье дело

№1-4/5, 11 (1931-1937)

УДК 93
ББК 63.3
О-64

О-64 **Органъ "Лиги Возрожденія Казачества"**
Казачье дело: №1-4/5, 11 (1931-1937) / Органъ "Лиги Возрожденія Казачества" – М.: Книга по Требованию, 2013. – 156 с.

ISBN 978-5-518-02365-9

ISBN 978-5-518-02365-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

мощным ударом могла быть сокрушена на Манычи большевицкая военная сила, духъ и порывъ у Кубанцевъ былъ окончательно угашенъ Верховнымъ Командованіемъ, опиравшимся на Казачью Старшину.

Здѣсь, за-границей, уже одиннадцатый годъ Казачья Старшина идетъ по томъ же пути — она ничему не научилась. Какъ въ стародавнія времена Старшина обивала пороги московскихъ бояръ — «за церковь, за крестное цѣлованіе и за Московское Государство была вездѣ со бояры и воеводы», — такъ и сейчасъ она топчется въ переднихъ «Возрожденія», «Послѣднихъ Новостей», «Дней» и другихъ російскихъ организаций во имя будущихъ эгонстическихъ интересовъ.

Итакъ, минуло уже десять лѣтъ нашему пребыванію за границей и шатанію по переднимъ російскихъ организаций, претендующихъ на водительство антибольшевицкимъ бѣженствомъ. Десять лѣтъ въ жизни человѣка — срокъ огромный, цѣлая эпоха. Но, очевидно, и слѣдующее десятилѣтіе намъ суждено провести внѣ Родины и такъ далѣе, ибо нѣтъ никакихъ реальныхъ указаній на возможность измѣненія существующаго въ Сов. Россіи режима въ сколько нибудь обозримомъ будущемъ. Къ этому заключенію насъ приводятъ свѣдѣнія, съ той стороны получаемыя. Объ этомъ свидѣлствуютъ и иностранные наблюдатели, посѣщающіе Россію, которые удивляются «долготерпѣнію» русскаго народа.

Для насъ въ этомъ «долготерпѣніи» нѣтъ ничего неожиданнаго, ибо оно красной нитью проходитъ по всей російской исторіи и вытекаетъ изъ основной черты великорусскаго народа — его глубокой пассивности и рабской покорности: и двухсотлѣтнее татарское иго, и многовѣковое помѣщичье рабство, и современная коммунистическая тиранія естественно обуславливаются этой основной расовой чертой великорусскаго племени.

И мы, казаки, связавъ свою судьбу съ великорусскимъ народомъ, должны идти съ нимъ нога въ ногу и нести всѣ послѣдствія нашего съ нимъ попутничества.

Въ теченіе десяти истекшихъ лѣтъ мы не проявили никакой самостоятельности въ смыслѣ изысканія путей къ приближенію часа освобожденія нашей Родины. Слѣпо вѣривъ судьбу своей Старшины, мы черезъ нее ориентировались на русскую эмиграцію, жили ея лозунгами, шли ея путями.

Впрочемъ, у російской эмиграціи — говоримъ о ея «вождяхъ» — собственно и путей то никакихъ не было и нѣтъ. Десять лѣтъ она безнадежно топчется на мѣстѣ, увязнувъ въ пустой интеллигентской фразеології, не создавъ ни одной мощной и вліятельной организациі, — безъ опредѣленнаго плана, безъ пафоса, безъ тѣни активности.

Одни изъ «вождей» держали ставку на внутренній взрывъ — русскій-де народъ изжилъ большевизмъ и скоро его сброситъ; другіе рассчитывали на эволюцію совѣтской власти; третьи возлагали надежды на иностранное вмѣшательство.

Казачество російскимъ «пророкамъ» вѣрило и очутилось у разбитаго корыта: черезъ десять лѣтъ отъ вождельной цѣли мы стоимъ далѣе, чѣмъ были отъ нея въ первые годы эмиграціи, ибо на одиннадцатомъ году нашего бѣженства російскіе «водители» принуждены расписаться въ полномъ своемъ банкротствѣ.

Не такъ давно на одномъ публичномъ собраніи г. Милуковъ въ своемъ докладѣ призналъ категорически, что надеждъ на революціонный взрывъ русскаго народа, вслѣдствіе его пассивности, нѣтъ и что онъ, Милуковъ, рассчитываетъ только на эволюцію совѣтской власти — мы понимаемъ эту оговорку, какъ фиговый листочекъ, въ который не вѣрится и самъ авторъ.

Нѣсколько ранѣе социалистъ Бунаковъ-Фундаминскій на собраніи «Дней» высказалъ тотъ же безнадежный взглядъ на революціонныя способности русскаго народа, но въ болѣе рѣзкой формѣ.

На-дняхъ П. Б. Ссруве охарактеризовалъ положеніе въ Россіи и въ эмиграціи въ столь же пессимистическихъ и безнадежныхъ тонахъ, какъ и Милуковъ, и Фундаминскій.

Такъ говорятъ представители трехъ наиболѣе замѣтныхъ теченій бѣженской политической мысли, и они правы, ибо русскій народъ не оказалъ и не думаетъ оказывать никакой воли къ сверженію большевизма, да и не въ его это характеръ. Онъ показалъ себя достойнымъ своего историческаго прошлаго — и татарскаго, и помѣщичьяго рабства.

И такъ, ориентируясь черезъ свою Старшину на російскихъ «водителей», казачество, оказывается, въ теченіе десяти лѣтъ молилось пустому мѣсту.

Что касается надеждъ на иностранное вмѣшательство въ цѣляхъ возстановленія Единой, Недѣлимой Россіи, то онѣ столь же тщетны, какъ и расчеты на революціонныя и эволюціонныя возможности.

Америка далека и совершенно не заинтересована, чтобы нести жертвы во имя прекрасныхъ глазъ Великой Россіи. Германія прямо и кореннымъ образомъ заинтересована въ неприкосновенности большевизма, ибо въ Сов. Россіи она имѣетъ неисчерпаемую матеріальную силу, которую она въ любую минуту можетъ использовать на борьбу съ цѣлью реванша противъ своихъ враговъ. Польша и др. Лимитрофы?.. но они отлично знаютъ, что возстановленная сегодня Россія завтра пожелаетъ положить руку на ихъ самостоятельность. Задача Франціи — созданіе и сохраненіе Великой Польши, какъ ея вѣрной союзницы. Интересы Англіи исторически противоположны интересамъ Рос-

сін, которую она считала и считаетъ угрозою своимъ азіатскимъ владѣніямъ, всегда и всѣми средствами старалась парализовать развитіе мощи Россіи и, наконецъ, когда-то устами Ллойдъ-Джорджа, въ дни его премьерства, недвусмысленно высказала свое къ ней отношеніе: «Слава Богу, первая цѣль войны достигнута — въ Россіи революція!»

Наконецъ, надо задать себѣ вопросъ: если бы катастрофа случилась не съ Россіей, а съ другимъ государствомъ — съ Англіей, Германіей — стала ли бы Россія возстанавливать могущество потерпѣвшей крушеніе страны? Никогда: мощное государство является и мощной угрозой.

Такимъ образомъ, Великія Европейскія Государства прямо занесересованы въ существованіи ослабленной Россіи. Изъ изложеннаго вытекаетъ, что и этотъ путь, указываемый русской эмиграціей, къ желанной цѣли насъ не можетъ привести.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны поставить точку на нашихъ стремленіяхъ къ освобожденію Родныхъ Краевъ? Конечно, — да, если мы хотимъ идти по путямъ, диктуемымъ русскими «водителями». Нѣтъ, — если мы имѣемъ желаніе и волю идти собственными путями, жить своимъ разумомъ.

Въ томъ отрицательномъ отношеніи Великихъ Державъ къ Великой Россіи, о которомъ мы выше говорили, имѣются элементы, могущіе быть съ успѣхомъ использованными Казачествомъ для освобожденія своихъ Земель.

Будучи заинтересованными въ политическомъ ослабленіи Россіи, Великія Государства, однако, заинтересованы и въ уничтоженіи совѣтской власти, являющейся угрозой міровой цивилизаціи и внутреннему порядку всѣхъ странъ; они также заинтересованы и въ томъ, чтобы 150 милл. людей, населяющихъ одну шестую часть свѣта, свободно могли заняться производительнымъ трудомъ и приняли бы участіе въ міровомъ хозяйственномъ оборотѣ, т.-е. заинтересованы въ экономическомъ возрожденіи странъ и народовъ, составляющихъ СССР.

Эти цѣли могутъ быть достигнуты только тогда, когда отъ бывшей Россійской Имперіи, а нынѣ отъ Совѣтской Сатрапіи, отдѣлятся нѣкоторыя ея части, имѣющія всѣ данныя для самостоятельнаго существованія и созданія изъ себя независимыхъ государствъ.

Таковы — Украина, Казачьи Земли, Грузія. Въ послѣднее время выдвинуть вопросъ объ образованіи въ Сибири независимаго буфернаго государства. Идея эта и одобряется и принимается дальневосточными официальными представителями «бѣлаго движенія».

Естественно, что отрывъ отъ Сов. Россіи и возрожденіе Сибири, Украины, Грузіи и Казачьихъ Республікъ нанесетъ смертельный ударъ совѣтской

власти и вызоветъ такія же и по тѣмъ же методамъ устремленія и въ Бѣлороссіи, и въ Туркестанѣ и пр. и явится возбудителемъ активности и въ центральной Россіи.

Вотъ перспективы, надъ которыми надо подумать, вотъ пути, на которые надо стать, если мы хотимъ ускорить часъ освобожденія своихъ Земель.

Говорятъ, что такой путь — преступленіе противъ Великой Россіи. А гдѣ она? Ея нѣтъ. Есть совѣтскій адъ, гдѣ въ безумныхъ страданіяхъ мучится несчастный народъ.

Спрашивается, что важнѣе — благо ли народа или отвлеченный фетишь — Единая, Недѣлимая Россія? Освобожденіе отъ большевицкаго ужаса, свободная, спокойная человѣческая жизнь и самостоятельное распоряженіе своими судьбами въ небольшомъ государствѣ или безконечный голодъ, разстрѣлы, мученія во имя далекой и, можетъ быть, неосуществимой Россіи въ ея прежнихъ границахъ?

Спросите себя и отвѣтите честно: государство ли для народа или народъ для государства; суббота ли для человѣка или человѣкъ для субботы?

Осознавши правильность вышеуказанныхъ путей, мы не должны сидѣть сложа руки. Необходимо интенсивная работа по организаціи Казачьихъ Земель во имя освобожденія и возрожденія Родныхъ Краевъ.

Нужно во что бы то ни стало наверстать время, преступно потерянное на буксирѣ російскихъ «водителей».

Есть соображенія и другого порядка, диктующія неотложность работы въ этомъ направленіи. Европа переживаетъ очень тревожный моментъ. Война у всѣхъ на языкѣ, она виситъ въ воздухѣ, война съ несомнѣннымъ участіемъ Сов. Россіи, пожалуй, ею же и вызванная. Много въ такомъ разѣ шансовъ за то, что война повлечетъ за собою революціонный взрывъ, первымъ дѣломъ, наиболѣе здоровыхъ частей Россіи — Украины, Грузіи, Казачьихъ народовъ — и новую жесточайшую анархію и гражданскую войну. Чтобы не быть захлестнутымъ событіями, Казачество должно встрѣтить ихъ во всеоружіи организованныхъ самостоятельныхъ государствъ въ союзѣ съ другими государственными образованиями.

«Лига Возрожденія Казачества» считаетъ такой путь единственнымъ залогомъ не только физическаго спасенія, но и возрожденія и дальнѣйшаго развитія духовной и матеріальной мощи нашихъ Родныхъ Краевъ на началахъ самостоятельнаго «по своему присуду», распоряженія своими судьбами.

Донской Войсковой Кафедральный Соборъ въ г. Новочеркасскѣ.

Есть для насъ. Донцовъ, въ далеко необычайной судьбѣ Войскового Новочеркаскаго Собора нѣчто, символическое и преуказующее. Какъ нынѣ мы, пережилъ и Соборъ тяжелую трагедію, пока не утвердился мощнымъ красавцемъ - гигантомъ на твердомъ кряжѣ.

Три раза его воздвигали, пока не засіяли его золотые куполы надъ безграничными Родными Степями.

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ заложили Соборъ — и заложили на слабомъ, песчаномъ грунтѣ. Довели уже до куполовъ, какъ вдругъ онъ рухнулъ.

Второй разъ углубились больше, но не дошли до настоящей, твердой основы, и опять Соборъ, почти уже законченный, обвалился — только остались однѣ стѣны.

И, наконецъ, только въ третій разъ, когда прорыли гору до матерого камня, до непоколебимой основы — только тогда его громада твердо и несокрушимо вросла въ Родную Землю — вросла на вѣки вѣковъ и величаво царить надъ Донскимъ просторомъ.

Мы, Донцы, при Калединѣ, тоже расчистили почву и хотѣли воздвигнуть зданіе свободнаго казачьяго бытія, но, по Старшинскому плану, построили это зданіе на наносномъ пескѣ — на оглядкахъ въ Московскую сторону: заботились не о своемъ Куренѣ, а о Московской Избѣ. И постройка рухнула, а подъ нею погибли и строители.

Глубже ушли въ Родную Землю при Атаманѣ Красновѣ въ поискахъ твердой основы, но не дошли до матерого кремня — забыли завѣты сѣдой Булавинской старины, не отрѣшились цѣликомъ отъ зятъевского ярма. Довели было зданіе до купола — и оно рухнуло: зыбки были основы.

Помните, казаки, судьбу Донскаго Кафедральнаго Собора... Расчистимъ для нашего Куреня почву отъ зыбкаго наноса, доберемся до непоколебимыхъ основъ, заложенныхъ въ нашихъ стародревнихъ казачьихъ началахъ, завѣщанныхъ намъ нашими предками.

И только тогда въ широкихъ нашихъ степяхъ возсіяетъ прекрасное, несокрушимое зданіе казачьей вольности и свободы — на славу намъ, на страхъ врагамъ.

Шестьдесятъ первый.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1919 года большевики заняли станицу N на Дону. Пришли они въ небольшомъ количествѣ — около роты — въ пасмурный и ослизлый день, часамъ къ тремъ по-полудни, прямо на церковную площадь. Часть приѣхала на казачьихъ воловьихъ и конскихъ подводахъ, часть пришла пѣшкомъ.

Всѣ боеспособные казаки станицы отступили съ арміей, а оставшіеся жители, зная о времени прихода нежданныхъ гостей, попрятались въ курени*); только кое-гдѣ бабы со страхомъ и любопытствомъ выглядывали изъ-за заборовъ и дивились на невиданное зрѣлище — на сѣрыя, грязныя, увѣшанныя бомбами и патронными лентами фигуры солдатъ.

На церковной площади для встрѣчи гостей собралась небольшая толпа мѣстныхъ иногороднихъ — русаковъ: портные, кузнецы, плотники, сапожники и пр. ремесленный, обслуживающій станицу людъ, родившійся на Дону, здѣсь выросшій, но съ

глубокой ненавистью относившійся къ вскормившему его казачеству.

Сейчасъ иногородніе чувствовали себя господами положенія, хозяевами, и всѣми силами старались показать радушіе и угодливость передъ «братьями - большевиками»: назначали лучшіе казачьи дома для солдатскаго постоя, начальствующихъ приглашали къ себѣ въ гости.

Дисциплины въ большевицкомъ отрядѣ не было никакой. Сѣрая толпа галдѣла, ругалась; и воздѣхъ прорѣзывала сочная солдатская матерщина, покрывавшая слащаво подчеркнутые, явно смакуемые, преувеличенно часто повторяемые возгласы: «товарищъ», а иногда, по ошибкѣ, и «господинъ товарищъ».

Тутъ же, на площади, вертѣлся и начальникъ партіи — молодой, шеголевато одѣтый въ кожаную мѣховую куртку, худенькій и вертлявый, неудачно старавшійся придать себѣ грозный и воинственный видъ, человѣчекъ—рыжий, съ длиннымъ носомъ и оттопыренными ушами. Комиссаръ былъ новичокъ и, желая придать себѣ больше вѣсу и полагая, что

*) Курень — домъ.

лучшее для этого средство въ возможно отборной ругнѣ, — онъ и къ дѣлу и ни къ дѣлу, а больше не впадедъ, явно злоупотребляя этимъ искусствомъ, отпускалъ самую изысканную, съ варіаціями, брань.

Его съ почтеніемъ слушали десятка четыре иногороднихъ — и старыхъ, и юношей, и дѣтей. Разговаривалъ съ нимъ портной Никифоръ Баклушинъ рожакъ станицы, но работавшій на станціи желѣзной дороги, а теперь нарочито, къ приходу большевиковъ, прѣхавшій въ N-скую станицу къ брату Егору, въ надеждѣ попасть въ Исполнительный Комитетъ.

Никифоръ наглотался большевицкихъ листовокъ, а когда то прочиталъ трехкопеечную брошюру нѣкогого Чемоданова, издан. Н. Парамонова, и считалъ себя человѣкомъ развитымъ, образованнымъ и подготовленнымъ для большихъ общественно - политическихъ ролей. Сейчасъ онъ изъ кожи лѣзъ, чтобы показать это товарищу комиссару. Одновременно Никифору хотѣлось сохранить и важность, но отъ усердія и внутренней робости онъ срывался съ тона, отъ излишней угодливости называлъ рыжого длинноухаго человѣка «господиномъ - товарищемъ комиссаромъ». сознавалъ ошибку, конфузился, сгибался, снова пытался принять независимый видъ, снова срывался и жалко хлопалъ большими сѣрыми, обычно самоувѣренными, глазами.

Здѣсь же, около, нѣсколько въ сторонѣ, стояла кучка казаковъ, человѣкъ семь, изъ мѣстной бѣдности, сочувствовавшихъ большевикамъ и понимавшихъ коммунизмъ, какъ возможность подѣлится имуществомъ зажиточныхъ сосѣдей. Закрывъ головы воротниками шубъ, они молча, внимательно и ледовѣрчиво разсматривали пришельцевъ.

Не того они ждали. Ужъ очень чужими показались имъ эти люди, обвѣшанные бомбами и патронными лентами, эти скуластыя, грязноцвѣтныя, бѣлоглазые, курносые лица, съ упрямо торчащими на высокихъ затылкахъ жесткими волосами. Неумѣстной и противной казалась и сплошная матерщина и бившая черезъ край нарочитая воинская распущенность. Чувствовали казаки - большевизаны ненужность и всей этой чужой и страшной толпы, ворвавшейся въ налаженную казачью жизнь и ихъ вертляваго длинноухаго начальника - комиссара, національность котораго они сейчасъ же опредѣлили — жидъ.

Никогда донскія станицы не видѣли у себя людей этой породы, такъ какъ имъ было запрещено не только здѣсь жить, но даже временно находиться, и поэтому появленіе еврея, да еще въ роли начальства, казакамъ казалось особымъ знаменіемъ, предвѣстникомъ тревожныхъ событій, связанныхъ со сказаніями о «последнихъ временахъ».

«Ну, чаво-жъ, братцы, шили, ѣли, молодыхъ видѣли — пора и по домамъ», иронически, съ сѣдебнымъ присловьемъ, обратился бойкій и лукавый казакъ къ своимъ пріятелямъ: «пора и честь знать... идемъ домой... Потомъ увидимъ»...

Солдаты развели по квартирамъ. Разошлись по домамъ и долго еще разсуждавшіе на площади иногородніе.

Комиссару отвели помещеніе у вдовы - полковницы, два сына которой учились въ Новочоркасскѣ. Вдовѣ наказали принять важнаго гостя, какъ можно почетнѣе и заботиться о немъ — понтъ и кормить — какъ можно лучше.

Вечеромъ устроили собраніе въ опустѣвшемъ Станичномъ Правленіи и выбрали многолюдный Исполнительный Революціонный Комитетъ. Вошли въ него исключительно иногородніе - русаки. И на главныхъ роляхъ оказались братья Баклушины — худой, долгоязыый болтунъ Никифоръ и кражеватый, тупой, но съ хитрицей, Егоръ.

Всѣ комитетчики - русаки были лѣтъ почтенныхъ, ибо молодежь, вступившая было въ восемнадцатомъ году въ ряды казачьихъ противобольшевицкихъ полковъ и принятая въ казаки, вся перешла къ большевикамъ и теперь сражалась вмѣстѣ съ ними противъ «кадетъ».

Еще дѣды и отцы этихъ великороссовъ пришли на Донъ въ качествѣ ремесленниковъ и торговцевъ, здѣсь обжились, разбогатѣли, обзавелись собственными домами, садами, огородами и жили богаче и лучше большинства казаковъ. Многіе изъ нихъ занимались ростовщичествомъ, давали казакамъ взаймы деньги изъ 30—40 процентовъ и держали должниковъ въ невылазной кабалѣ. Своимъ родственникамъ, которыхъ они призывали изъ Россіи, иногородніе писали: «идите на Донъ, бросайте вашу землю. Здѣсь жить хорошо. Тутъ два дурака — казакъ и быкъ.*) Другъ на друга работаютъ цѣлый вѣкъ — и ни тотъ ни другой покою не знаютъ».

Однако, не смотря на сытую и обеспеченную жизнь, русаки эти ненавидѣли казаковъ, ненавидѣли глубокой, нутряной ненавистью. И при первомъ же случаѣ жестоко эту ненависть проявили на дѣлѣ.

На другой день, послѣ избранія Комитета, приступили къ «закрѣпленію завоеваній революціи».

На этотъ предметъ за восемнадцатый годъ у большевиковъ выработались извѣстныя традиции, установился опредѣленный обрядъ, нѣчто въ родѣ священнодѣйствія. Такъ, во всякомъ вновь занятомъ поселеніи ихъ дѣятельность начиналась обязательно съ убійства, съ крови очевидно, обойтись безъ этого, по мнѣнію большевиковъ, имъ

*) Быками казаки называютъ воловъ, а быка — бугаемъ.

нельзя было — такъ же невозможно, какъ капустной рассадѣ безъ поливки. Кровь хотя бы и ни въ чемъ не повинныхъ людей должна была пролиться во славу и честь коммунистической богини революціи.

То же было неуклонно продѣлано и въ станицѣ N-ской. Стали искать контрреволюціонеровъ. А т. к. ихъ въ станицѣ не оказалось, ибо всѣ видные мѣстные люди заранѣе бѣжали съ отступающими казаками, то стали хватать кого зря — тѣхъ, кто когда либо провинился по отношенію членовъ нынѣшняго Комитета, ихъ семействъ и родственниковъ.

Дальнѣйшіе аресты производились исключительно изъ личной мести. Такая то казачка когда то оскорбила жену нынѣшняго члена Комитета, такой то отказалъ въ займѣ пуда муки. Поводы были самые разнообразныя, но по существу одной и той же цѣнности.

Первымъ арестовали больного семидесятилѣтняго старика Антона Васильевича Хорсова, человѣка зажиточнаго, бывшаго почетнымъ станичнымъ судьей и лѣсоторговцемъ. Потомъ взяли плугавенькаго бѣднаго казака, извѣстнаго подъ кличкой Миши Куги, человѣка незамѣтнаго, много лѣтъ служившаго сторожемъ станичнаго правленія. Ихъ оффиціальное положеніе при старомъ режимѣ было достаточнымъ поводомъ въ глазахъ большевиковъ для обвиненія въ контрреволюціи.

Самъ Комитетъ къ смерти не приговаривалъ, а пачками отправлялъ арестованныхъ на ближайшую станцію желѣзной дороги, верстахъ въ сорока отъ станицы, бывшую какъ бы окружнымъ административнымъ центромъ. Арестованныхъ туда гнали со всѣхъ сторонъ, какъ, бывало, гоняли скотъ на ярмарку. На станціи ихъ помѣщали въ саран, откуда потомъ выводили ихъ тоже пачками грязные, тупые, бѣлобрысые и бѣлоглазые люди въ сѣрыхъ шинеляхъ, обвѣшанные патронными лентами; вели обреченныхъ въ оврагъ и тамъ ихъ убивали, а послѣ убійства возвращались въ свои казармы и спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, пили, ѣли, спали, а потомъ снова гнали очередную пачку на убой. Дѣлалось это столь же спокойно и методично, какъ вывозятъ навозъ въ поле. Сами же обреченные также спокойно, покорные неизбѣжному, безъ протеста, шли въ оврагъ, какъ овцы на бойню или какъ пансіонеры въ очередную субботнюю баню...

Къ концу марта, такимъ образомъ, изъ N-ской станицы было отправлено на желѣзнодорожную станцію и тамъ убито шестьдесятъ человѣкъ; изъ нихъ шесть женщинъ. Послѣ этого аресты прекратились — очевидно, Комитетъ нашель, что контрреволюція истреблена, революція закрѣплена, а комитетчики достаточно своей активностью доказали преданность «новому режиму».

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было приступлено собственно къ созидательной работѣ, къ насажденію коммунизма. Такъ какъ ни комитетчики, ни самъ комиссаръ не знали, въ чемъ собственно заключается коммунизмъ, то, первымъ дѣломъ, стали свозить и сваливать въ кучу, въ пустыя магазины и амбары, все, что имѣлось въ домахъ казаковъ, успѣвшихъ съ антибольшевицкими войсками. Затѣмъ выгнали всѣхъ жителей въ окрестности станицы на общую пахоту и сѣвъ. Но такъ какъ плуговъ и боронъ почти не было — старики, спасаясь отъ большевиковъ, повиѣхали заранѣе въ степь на поля, подъ предлогомъ обработкѣ земли, а въ станицѣ остались женщины и дѣти, — то изъ этой затѣи ничего не вышло.

Съ первыхъ дней прибытія въ станцію у большевиковъ отлично наладился одинъ видъ коммунистическаго стронтельства — реквизиція въ пользу революціи. Брали скотъ, хлѣбъ, яйца, молоко, масло, одежду, особенно военную, и проч. Часть отсылалась на фронтъ, часть оставалась въ рукахъ мѣстныхъ иногороднихъ - русаковъ. Катались они, какъ сыръ въ маслѣ.

И шибай Алешка Щетинниковъ, малый пустой и балагуръ, но и не злобный, почему въ Комитетъ не понавѣи, восторженно похвалялся:

— Ну, казаки, пришелъ праздникъ на нашу улицу. Теперь мы зожили. Вотъ зожили такъ зожили — одна рука въ молокѣ, а другая въ маслѣ...

Длинноухій комиссаръ занять былъ специально женскимъ вопросомъ: устраивалъ каждый день вечеринки съ танцами и выпивкой. Главными посетительницами были дочери иногороднихъ. Посѣщали ихъ и нѣсколько казачекъ «веселаго поведения». Руководила вечеринками зрѣлая дѣвица-учительница народной школы — бойкая, завистливая, быстро вошедшая во вкусъ новыхъ порядковъ.

Съ прекращеніемъ казней, станция стала немножко успокаиваться, хотя на улицу избѣгали выходить. Громко не разговаривали, дѣлились новостями шепотомъ — въ куреняхъ и темныхъ углахъ. Ни пѣсенъ, ни музыки. Станция замерла, глубоко и болѣзненно затанвъ обиду и ненависть. «О, Господи, да когда же придутъ наши и избавятъ насъ отъ этихъ нехристей - злодѣевъ», — шептали старухи и старики; и слезы катились по суровымъ, завѣтреннымъ лицамъ. Но и плакать можно было только втайнѣ, иначе обвинять въ контрреволюціи, а тамъ конецъ одинъ...

Такъ жила станция до второй половины мая подъ кошмаромъ разстрѣловъ, грабежей, неуверенности въ завтрашнемъ днѣ и боли за своихъ близкихъ, бившихся на Донцѣ съ большевиками.

Иногородніе издѣвались надъ станичниками, распространяя слухи, что «кадеты» сброшены въ Черное море и всѣ погибли. Иные вѣрили, а большинство было глубоко убѣждено, что казаки при-

дуть, что они осплять большевиковъ и избавятъ родныя станицы отъ проклятаго навожденія. Къ срединѣ мая стали по станицѣ ходить слухи объ успѣхахъ казаковъ на Доницѣ. Сначала этимъ слухамъ не придавали особаго значенія, и хотя стрстно хотѣлось вѣрить, но вѣрить боялись. Потомъ слухи стали настойчивѣе и отчетливѣе. Въ казачьихъ сердцахъ вспыхнула опредѣленная надежда на избавленіе. Какъ бы какими путями доходили эти вѣсти, никто не могъ сказать, но они настойчиво проникали въ казачьи курени и родили надежду на избавленіе. Станица стала оживать. Чаше выходили на улицу и смѣлѣе смотрѣли въ глаза — даже комитетчикамъ.

Знали о нарастающихъ большевицкихъ неудачахъ и комитетчики, знали опредѣленно, ибо были въ постоянной связи съ желѣзнодорожной станціей. Видѣли они оживленіе въ станицѣ, понимали и причину этого оживленія, злились и хотѣли снова припугнуть, какъ они цвѣтисто выражались, «поднимающую голову гидру контрреволюціи».

Въ одинъ изъ теплыхъ и душистыхъ вечеровъ конца мая, бабы, вышедшія за станицу встрѣчать телятъ и коровъ, шепотомъ передавали одна другой страшную новость: арестовали Ивана Антоновича Хорсова.

Этотъ Хорсовъ былъ сыномъ Антона Васильевича Хорсова, котораго большевики арестовали нервнымъ и разстрѣляли на станціи. Иванъ жилъ отдѣльно отъ отца, на противоположномъ краю станицы въ хорошенькомъ стальномъ цвѣта, съ кружевной рѣзью, домикѣ и отсталъ отъ арміи, не желая бросать больного отца.

Въ послѣдніе годы устарѣвшій отецъ передалъ ему торговлю лѣсомъ, а до этого Иванъ занимался земледѣліемъ. Человѣкъ онъ былъ работящій, землю любилъ и не порывалъ съ нею и тогда, когда получилъ отъ отца лѣсное дѣло. Было у него на базу три пары воловъ, три коровы, конь, мелкій скотъ. Въ окрестностяхъ станицы онъ арендовалъ нѣсколько десятинъ земли подъ пашню. Семья у него была малая: онъ, жена Анисья Акимовна, и семилѣтняя внучка Анюта, отца которой убили на германскомъ фронтѣ, а мать, дочь Хорсова, вышла замужъ за другого. Достатки у Хорсовыхъ были хорошіе, а, получивъ лѣсное дѣло отъ отца, Иванъ Антоновичъ сталъ въ ряды богачей, такъ что заниматься землею и скотоводствомъ, трудомъ тяжелымъ, ему не было нужды, но, во-первыхъ, онъ любилъ это дѣло; а во-вторыхъ — отъ лѣсной торговли въ станицѣ всегда остается много досуга. И досугъ, и силу Ивану Антоновичу дѣвать было некуда. А силы онъ былъ исключительной. Сейчасъ ему перевалило за сорокъ пять. Росту онъ былъ большого, широко въ плечахъ, грудастъ и

мускулистъ, и военную службу отбывалъ въ гвардейской батареѣ. При этомъ онъ былъ удивительно спокоенъ и добродушенъ. Никто не видѣлъ, чтобы Иванъ Антоновичъ когда-либо сердился или скверно ругался. Бывали случаи, когда, во время товарищеской пирушки или на свадьбѣ, какаянибудь горячая голова налетала на Ивана, даже доставала его кулкомъ. Иванъ Антоновичъ, спокойно улыбаясь своими небольшими сѣрыми глазами, бралъ за руку или за шиворотъ буяна и швырялъ его какъ тряпку, въ уголъ, приговаривая: «Ну, врагъ тебя не возьми, какой же ты дуралей!»

Семьянинъ и хозяинъ онъ былъ примѣрный. Но разъ пять-шесть въ году загуливалъ: либо старые сослуживцы попадутся, либо продастъ воловъ, или землю арендуетъ — и загуляетъ. Тогда жена, Акимовна, беретъ длинную палку и отправляется загонять домой мужа. Свою маленькую, сухонькую, востроносую и востроглазую Анисью Акимовну Антоновичъ и любилъ и въ пьяномъ видѣ слушалъ безпрекословно.

Къ вечеру въ такіе дни по улицѣ брелъ пьяный раскраснѣвшійся Антонычъ; шелъ, не шатаясь, на широко разставленныхъ, въ колѣнахъ согнутыхъ, ногахъ; шелъ, фыркалъ, загребалъ ногами песокъ и на причитанія жены бормоталъ: «Анися, Анися, будя, брось, Анися!»

Но Анися не бросала и, хотя безъ злобы, но считала необходимымъ ругать и упрекать супруга, ибо всѣ жены такъ дѣлаютъ: «Вишь, окаянный, нажрался, вишь, буйвольтъ... лапами то какъ загребаешь — какъ плугомъ пашеть... Не совѣстно тебѣ и не стыдно, бугай ты этакій... Право, бугай...»

Въ фигурѣ Антоныча въ это время дѣйствительно было нѣчто буйволиное, мощное и дикое.

Придя домой, Акимовна раздѣвала мужа, поила его арьяномъ и укладывала спать. Утромъ, чуть свѣтъ, Антонычъ былъ на ногахъ, умывался во дворѣ у колодца, лилъ на голову холодную воду и фыркалъ такъ, что весь околотокъ слышалъ. Потомъ выпивалъ съ четверть ведра арьяну*) — и послѣдствія пьянаго дня какъ рукой снимало.

Въ станицѣ любили Ивана Антоновича за добрымъ нравомъ, за мощью, за исключительную силу, а казачья молодежь, всегда чуткая къ проявленію мужества и силы, складывала цѣлыя легенды о небывалыхъ подвигахъ Ивана Антоновича.

Бойкостью ума молодой Хорсовъ не отличался, разговаривать много не любилъ, въ общественныя дѣла не вмѣшивался — и о немъ въ страшные дни февральскихъ и мартовскихъ арестовъ какъ-то забыли.

Вспомнилъ о немъ къ концу мая Гришка Скланкинъ, иногородній-русакъ, членъ Комитета, завѣдующій техническимъ отдѣломъ.

*) Сгущенное кислое молоко, разведенное водой.

Быль этотъ Гришка пьяницей и никудышнимъ кузнецомъ. Ремесломъ своимъ занимался мало, но удачно приворовывалъ — кралъ больше лошадей, хотя не брезговалъ и сосѣдскими курами. Таковъ же былъ и его отецъ. Жили поэтому Склянкины бѣдно и кормились больше кражей, чѣмъ кузнечествомъ, да тѣмъ, что Гришкина мать зарабатывала тканьемъ шерстяныхъ завѣсокъ *) и мѣшковъ да мытьемъ и уборкой домовъ.

За дурное и вредное поведеніе станица пыталась общественнымъ приговоромъ выдворить Склянкиныхъ съ Донской Земли, но, оказалось, что это можно сдѣлать съ кореннымъ казакомъ, а съ иногороднимъ пришельцемъ нельзя. Такова была линия петербургскаго правительства.

Какъ кузнецъ, Гришка и былъ назначенъ завѣдывать техническимъ отдѣломъ при Революціонномъ Комитетѣ. Первой заботой его было собрать весь инструментъ изъ кузницъ и съ паровыхъ мельницъ и свезти его въ пустой амбаръ. Сдѣлано это было быстро еще въ февралѣ мѣсяцѣ; и съ тѣхъ поръ инструментъ валялся въ беспорядочной кучѣ на полу пустого амбара; тамъ же, подобно трупамъ, лежали и мѣхи.

Вслѣдствіе такихъ мудрыхъ Гришкиныхъ распоряженій, въ эту весну станичные пахарн лишены были возможности отбивать и насталивать лемехи и принуждены были или отбивать ихъ на камняхъ домашнимъ порядкомъ или возить на ближайшіе хутора, гдѣ коммунистическій режимъ, за неимѣніемъ иногороднихъ, еще не достигъ такой, какъ въ станицѣ, степени процвѣтанія.

Жилъ глава технического отдѣла Гришка Склянкинъ недалеко отъ Ивана Хорсова и, напившись пьянымъ, вечеромъ, въ концѣ мая, двигался домой. Проходить нужно было около Хорсовыхъ. И вотъ, оглянувъ угольный домъ, онъ на бѣду увидѣлъ на балконѣ Ивана Антоновича, увидѣлъ и вспомнилъ одинъ случай изъ временъ семнадцатаго года, вспомнилъ, вскипѣлъ злобой и заоралъ: «А-а, ты, контравалицинеръ... я тебѣ покажу»...

— Ну, будя, будя, Гриша, иди домой, — урезонивалъ Гришку Иванъ Антоновичъ.

— Чаво будя, што ты мнѣ командуешь? Знаешь, кто я?.. Прошло ваше время. Я тебѣ покажу, чига востропузая... *)

Иванъ Антоновичъ всталъ и ушелъ во дворъ, а Гришка еще долго ругался, грозилъ, потомъ отправился домой.

Случай, о которомъ вспомнилъ Гришка, былъ таковъ. Лѣтомъ семнадцатаго года сбѣжалъ Гришка съ фронта и въ одно изъ воскресеній, напившись пьянымъ, пробирался домой; брелъ по улицѣ, за-

сунувъ руки въ карманы, растопыривъ локти, на согнутыхъ ногахъ; шелъ, тупо уставивъ глаза въ землю, скверно ругался и бурчалъ. Гришка любилъ изображать изъ себя силача, а посему въ манерѣ двигаться по улицѣ въ пьяномъ видѣ старался подражать Ивану Антоновичу, передъ силой котораго онъ благоволялъ и которому страшно завидовалъ, ибо, при всякихъ оказательствахъ своей силы во время поноекъ, былъ всегда нещадно битъ.

Шелъ Гришка и, подобно Хорсову, загребалъ широкоставленными ногами песокъ.

— Ишь, окаянный мужланъ... нажрался. Какіе они широкіе тутъ, на чужой землѣ, и што это глядятъ казаки... Вишь, ругается — житья отъ нихъ нѣту. Всынали бы ему хорошенько другой разъ смирнѣе былъ бы...

Такъ провожали ругающагося Гришку бабы-качки.

Гришка увидѣлъ сидящаго на балконѣ Ивана Антоновича, остановился, снялъ шапку и поздоровался.

— Здорово дневалъ, дядя Иванъ Антонычъ!

— Слава Богу, Гриша... выпилъ?

— Немножко.

— Ну, иди спать.

— Нѣтъ, дядя, я пойду на лото — дай трешницу.

— Ну, ну, иди, Гриша.

— Нѣтъ, дядя, дай — отдамъ, аль отработаю...

Громъ меня убей — не пропадетъ за мною...

Хорсовъ вынулъ трешницу и бросилъ на улицу Гришкѣ.

Вотъ, спасибо тебѣ, дядя: пойду — выиграю на твое счастье.

— Ну, ну, иди... а лучше бы спать.

Гришка ушелъ. Черезъ короткій промежутокъ времени, однако, онъ снова появился, снялъ шапку и снова сталъ просить денегъ.

— Проигралъ, дядя, трешницу. Дай еще... ей Богу, отдамъ... Теперь непременно выиграю.

— Не дамъ, Григорій... иди.

— Дай, дядя.

— Не дамъ, врагъ тебя не возьми... вишь, присталъ — смола.

Гришка повернулся, выругался и пригрозилъ: «ну, подожди, я тебѣ припомню».

— Григорій, Григорій, гляди, врагъ тебя не возьми, — возвысилъ голосъ Иванъ Антоновичъ.

Гришка прибавилъ шагу и исчезъ.

Густая, конечно, была Гришкина угроза — такъ, но привычкѣ брошенные на вѣтеръ слова. Но судьбѣ было угодно, чтобы въ тихой, захолустной станицѣ былъ насажденъ коммунизмъ и чтобы Гришка сдѣлался членомъ революціоннаго комитета и, напившись пьянымъ, проходилъ мимо дома Хорсовыхъ и увидѣлъ на томъ же мѣстѣ и въ той же позѣ, какъ въ памятный воскресный вечеръ семнад-

*) Завѣска — фартукъ.

*) Чига востропузая — старинная кличка, приложенная къ казакамъ русскими людьми.

цатаго года, сидящимъ на балконѣ Ивана Антоновича. И въ пьяныхъ мозгахъ Гришки вдругъ ясно и отчетливо воскресла забытая картина.

— Какъ, онъ ъмнѣ отказалъ... да какъ онъ смѣлъ кому? мнѣ?... А кто я теперь? Членъ исполнительнаго комитета. А онъ кто?... Захоучу со свѣта сживу... и живу.

Чѣмъ больше думалъ объ этомъ Гришка, тѣмъ больше въ пьяной душѣ разгоралась обида, злость и чувство мести. Дома Гришка разъярился до того, что чуть не избилъ мать, но, во всякомъ разѣ, сначала окна побилъ, а затѣмъ ужъ легъ спать.

Утромъ Гришка проснулся съ дурманомъ да еще въ дурьей головѣ. Подъ ложечкой сосало. Хотѣлось выпить водки, а ея не было. Глянулъ на ветхія, разбитыя окна, изъ которыхъ одно было вынесено совсѣмъ съ рамой, Гришка вспомнилъ про вчерашнее и еще пуще обозлился: «А, чортовъ бугай... черезъ него и окна побилъ. Постой же, докажу я тебѣ, казацкая морда, чига востропузая».

Отца и матери не было дома — ушли на новый огородъ, отнятый комитетомъ у одного изъ казаковъ - сосѣдей. Гришка нашель краюху черстваго хлѣба, кусокъ сушеного, янтарнаго сазана и полгоршка кислаго молока — все это было также реквизировано у казаковъ — наскоро поѣлъ, выпилъ двѣ кружки воды и, не убѣрая остатковъ со стола, отправился въ Комитетъ.

Обширное желтое зданіе бывшаго станичнаго правленія, гдѣ помѣщался теперь Исполкомъ, совсѣмъ новое, законченное передъ войной, было построено, какъ строятся всѣ подобныя учрежденія. Прямо изъ прихожей вела дверь на «майданъ», гдѣ прежде засѣдалъ станичный сборъ, а теперь собирались митинги, а иногда устраивались танцульки съ выпивкой; направо — входъ въ «казачью», гдѣ помѣщались сидѣлочные *) казаки и гдѣ безперестанно, бывало, рѣзались въ карты и «дамки»; тутъ же были и комнаты для арестованныхъ. Налѣво изъ передней одна дверь вела въ станичный судъ, а другая — въ канцелярію и дальше въ присутственную комнату, гдѣ раньше правили станицей атаманъ, его помощники и казначей, а сейчасъ засѣдалъ Исполнительный Революціонный Комитетъ.

Когда вошелъ Гришка, Комитетъ былъ почти весь въ сборѣ. Одѣвались комитетчики въ френчи; на ногахъ казенныя ботинки съ обмотками. Хотя изъ членовъ Комитета только двое были на военной службѣ, но маскарадъ этотъ сталъ неписаннымъ закономъ для лицъ, прикосновенныхъ къ большевицкой власти. Видъ у этихъ сапожниковъ, портныхъ, столяровъ, не привыкшихъ къ военному мундиру, былъ мѣшковатый и довольно жалкій.

*) Полицейская повинность и для связи отбывались казаками натурой, по-очереди, по-недѣльно. Называлась эта служба — «Сидѣть сидѣнику».

За атаманскимъ столомъ помѣщался Никифоръ Баклушинъ, предсѣдательствовавшій въ комитетѣ. Это былъ худой, сутуловатый, высокаго роста блондинъ, лѣтъ около сорока пяти, съ длиннымъ, блѣднымъ, портновскаго цвѣта, лицомъ, съ вдавненнымъ висками и съ самоувѣреннымъ взглядомъ свѣтлыхъ глазъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ путемъ разстрѣловъ контрреволюція была уничтожена, революція утверждена, имущество изъ оставленныхъ домовъ свалено въ одну кучу, реквизиція хлѣба, масла, молока и проч. налажена, — комитетчики не знали, что дѣлать. Ремесломъ своимъ заниматься охоты не было, да и считалось для ихъ положенія униженнымъ. На поляхъ и огородахъ работали казаки для коммуны, т.-е. собственно для иногороднихъ. И комитетчики приходили въ Правленіе, сидѣли до обѣда, скучали, зѣвали, дѣлились новостями, а такъ какъ жизнь въ станицѣ совсѣмъ замерла, то собственно и новостей никакихъ не было.

Но въ послѣдніе дни стали получаться все болѣе опредѣленныя и тревожныя свѣдѣнія съ фронта. Это комитетчиковъ взвинтило и собранія ихъ сдѣлало болѣе оживленными. Хотя въ прочность положенія на фронтѣ они и вѣрили, но все же тревога, помимо ихъ воли, нарастала среди правящаго иногородняго люда — «а если придутъ казаки, что тогда будетъ?»

У Егора Баклушина вчера по этому поводу было цѣлое сраженіе съ женой. Пришла она отъ знакомыхъ встревоженная и злая. Развела печку и начала жарить пышки на горчичномъ маслѣ. Мука была казачья — реквизируемая, масло тоже, дрова, молоко, яйца — все награбленное.

— Да, отѣли мы, должно, сладкіе кусочки.

— Почему? — спрашиваетъ Егоръ.

— Пойди, спроси у казачекъ... Почему... Дурья ты голова, и всѣ вы тамъ дураки въ Комитетѣ... Казаки то скоро придутъ — вотъ что.

— Да кто тебѣ сказалъ?

— Да всѣ казачки говорятъ... Подождите, говорятъ, вотъ, наши придутъ — отольются вамъ наши слезки.

— Да кто говоритъ, назови.

— А я почемъ ъзнаю — по всей станицѣ шепчутся.

— Дура ты... ихъ, небось, раки въ Черномъ морѣ давно съѣли.

— Не бреши, дуракъ... Вишь, умники нашлись — въ правители захотѣли. Сколько народу загубили... Што-то съ нами будетъ. Головы и намъ и дѣтямъ свернуть, какъ придутъ. Куда мы побѣжимъ съ дѣтворой... И домъ свой, и жили хорошо. Нѣтъ, сдурѣли проклятые — полѣзли въ комитеты... О, Господи, да что же съ нами будетъ теперь.

Баклушиха смотрѣла на трехъ бѣлоголовыхъ ребятишекъ, которые играли въ углу въ «разстрѣлы» и начала всхлипывать.

— Да замолчи ты, чортова кукла!

— Самъ ты кукла и дуракъ, и всѣ вы тамъ дураки съ твоимъ безчеревнымъ братцемъ, Никишкой. Ужо потянуть васъ на висѣлицу подлецовъ.

Егорка кинулся на жену съ кулаками. Баклушиха выхватила изъ печи раскаленную сковороду и злобно взвизгнула: «Не подходи, подлець, такъ въ зубы и дамъ горячей сковородой».

Егорка взялъ шапку, ушелъ въ Комитетъ и сейчасъ рассказывалъ товарищамъ про эту сцену.

Если и не въ такой острой формѣ, то все же нѣчто подобное происходило въ семействахъ всѣхъ комитетчиковъ. Каждый день жены приносили новыя вѣсти о неуспѣхахъ красныхъ, вѣсти преувеличенныя, но, по официальнымъ свѣдѣніямъ Комитета, имѣвшія основанія.

Жены пилили мужей, упрекали, зачѣмъ они «влѣзли въ эту бѣду». «Пусть другіе, а ты зачѣмъ брался за это дѣло. Теперь наварили кашу, а мы расхлебывай. Сидѣли бы смирно, казаки бы не тронули. Аль, плохо мы жили? Какъ придутъ кадеты, што съ нами будетъ?.. И-и, окаянные!..» Разговоры кончались слезами. Жизнь дома стала невыносимой. Хотя комитетчики и старались не подавать виду, однако, они сами чувствовали, что «бѣда» надвигается, что какъ бы не пришлось, въ самомъ дѣлѣ, дать отвѣтъ за свои дѣла. Въ глубинѣ души они сознавали правоту бабъ: «не надо было вязываться въ это дѣло».

Одинъ Никифоръ Баклушинъ, котораго Егоркина жена называла безчеревнымъ за его худобу и отсутствіе живота, не терялъ вѣры и апломба и, затаенный во френчъ, съ обмотками на ногахъ, важно, широкимъ шагомъ (такъ, по его мнѣнію, ходили старые генералы), какъ гусакъ, выступалъ по улицѣ, идя на засѣданія Комитета.

Гришкинъ приходъ въ присутственную комнату совпалъ съ рассказомъ Егорки про сегодняшнюю его стычку съ женой. Когда Егоръ кончилъ, всѣ молчали, замѣтно «пришибленные этимъ рассказомъ».

— А, вотъ што я вамъ, товарищи, скажу, — вдругъ обратился къ Комитету Гришка.

Такъ какъ Гришка никогда въ Комитетѣ не разговаривалъ, да и вообще не обладалъ способностью къ связанному выраженію своихъ мыслей, то всѣ удивились его выступленію и съ любопытствомъ обратились въ его сторону.

Гришка сидѣлъ въ углу, около конторки казначея.

— Говори, товарищъ, — обратился къ нему Никифоръ Баклушинъ.

Гришка всталъ, началъ мять въ рукахъ свою артиллерійскую фуражку, которую онъ носилъ въ

подражаніе Ивану Антоновичу Хорсову, и, переминаясь съ ноги на ногу, съ трудомъ выдавилъ изъ себя заявленіе:

— Вотъ, мы тутъ, товарищи, сидимъ, а у насъ контраволюція... такъ что контраволюционеры живутъ.

— Какіе, кто? — съ недоумѣніемъ и удивленіемъ допытывался Никифоръ.

— А Хорсовъ... Иванъ Антоновичъ.

— Ну, какой же онъ контраволюционеръ — человекъ онъ смиренный... замѣтилъ Егоръ Баклушинъ, находившійся подъ впечатлѣніемъ сцены съ женой и сильно встревоженный за свою будущую судьбу.

— Какъ какой? — обозлился Гришка, чувствуя, что у него изъ подъ ногъ вырываютъ почву: «богачъ, буржуй и контраволюционеръ... Отца разстрѣляли, а онъ живетъ...» Такъ какъ Гришка видѣлъ, что его слова не производятъ нужнаго дѣйствія, онъ въ отчаяніи крикнулъ: «Я вчера самъ слыхалъ скрозъ заборъ... Смотрю въ шелку, а онъ говоритъ женѣ: «Погоди немного — придутъ наши — мы имъ, мужланамъ, покажемъ — всѣхъ перевѣшаемъ».

— Вы, товарищъ, сами это слыхали? — допрашивалъ Никифоръ.

— А какъ же, самъ.

— Вѣрно?

— Вѣрно, говорю... Што тутъ... Громъ меня убей, слыхалъ, — заторопился Гришка.

Отъ натуги и отъ волненія Гришка вспотѣлъ. Утеръ рукавомъ потъ на лбу, вздохнулъ облегченно и сѣлъ на свое мѣсто.

— Вотъ видите, товарищи, — торжественно обратился къ Комитету Никифоръ: «мы думали, что уничтожили гидру революціи, а она снова голову поднимаетъ. Егоръ рассказывалъ намъ про бабьи разговоры, про смуту въ станицѣ. А она, видите, откедова идетъ. Надо ее уничтожить. Надо немедленно арестовать Хорсова. Согласны, товарищи?»

— Правильно... што на нихъ смотрѣть — насъ они не помилуютъ, — отвѣтили комитетчики, за исключеніемъ Егора, который никакъ не могъ придти въ себя отъ сцены съ женой, отъ той будущей судьбы, которую она предрекала — «чортова баба кармагетъ, а, пожалуй, права», — думалъ Егоръ.

— А какъ же мы, товарищи, будемъ арестовывать Хорсова? Кого пошлемъ — солдатъ у насъ нѣту? На станцію тоже посылать его не съ кѣмъ — гдѣ возьмемъ конвой? А человекъ то сила, буря — десятка мало. Вслучаѣ чего и съ десяткомъ управится.

Такіе вопросы со стороны комитетчиковъ были совершенно резонны. Всѣхъ красноармейцевъ изъ станицы давно забрали — нужно было и для подкрѣпленія фронта и потому еще, что контррево-

люція въ станицѣ считалась уничтоженной, а коммунизмъ окончательно насежденнымъ. Въ такомъ духѣ доносили Комитетъ высшему начальству, ибо никто не предполагалъ, что Гришка Склянкинъ откроетъ еще «гидру революціи» въ лицѣ тишайшаго и добрейшаго Ивана Антоновича Хорсова.

Никифоръ Баклушинъ однако разрѣшилъ эти недоумѣнные вопросы очень просто. Для ареста будутъ посланы молодые казаки, подростки — человекъ пять, подъ командой доносчика, Гришки Склянкина. На станцію отправлять виновника нѣтъ никакой необходимости, такъ какъ судить его будетъ самъ Комитетъ.

Ввиду сомнѣнія нѣкоторыхъ членовъ въ правомочіи Комитета, Никифоръ разъяснилъ съ большой авторитетностью: во-первыхъ, товарищъ комиссаръ говоритъ, что, въ силу закона революціи, права Комитета неограничены, а во-вторыхъ, крайность заставляетъ прибѣгать къ такой мѣрѣ, ибо въ распоряженіи мѣстной власти нѣтъ надежной юнкской части для конвоирования арестованнаго.

Постановленіе Комитета рѣшено привести въ исполненіе немедленно.

Такъ какъ въ «казачьей» комнатѣ, что около арестантскихъ помѣщеній, всегда дежурило четверо восемнадцатилѣтнихъ казаковъ, наряжаемыхъ по очереди отъ кварталовъ, то сейчасъ же двухъ изъ нихъ отправили для розыска пяти казачатъ, предназначенныхъ для приведенія въ исполненіе комитетскаго рѣшенія.

Казачата были назначены по особому, тщательному выбору комитетчиковъ, отлично знавшихъ станичное населеніе. Подобраны были наиболѣе твердые, расторопные и физически мощные.

Черезъ часъ всѣ пятеро уже стояли въ дверяхъ присутствія и слушали внушительное приказаніе-поученіе предсѣдателя Никифора Баклушина.

Юноши были молодецъ къ молодцу, но рѣзко ыдѣлялся изъ всѣхъ одинъ — гигантскаго роста, стройный, какъ пирамидальный тополь, чернобрый красавецъ Михайла Нагибинъ. Благодаря силѣ и не по юношески величавому спокойствію, Михайла пользовался непререкаемымъ авторитетомъ среди сверстниковъ. Эти качества были причиной того, что комитетчики особенно настаивали на привлеченіи его къ «работѣ».

И сейчасъ онъ стоялъ среди своихъ друзей, выше ихъ на цѣлую голову, и спокойно смотрѣлъ на Баклушина ясными голубыми глазами.

Баклушинъ собственно и обращался къ нему, чувствуя въ немъ естественную главу этой маленькой группы. Всѣ пятеро казачатъ ничего не отвѣтили Баклушину, ничѣмъ не выразили произведеннаго на нихъ впечатлѣнія, что навязанная роль имъ глубоко противна и что только переживаемый станицей терроръ принуждаетъ ихъ повиноваться.

Раздали винтовки, которыя хранились здѣсь же,

въ архивѣ. Взялъ винтовку и Гришка Склянкинъ. Такъ какъ Хорсовъ жилъ почти на самомъ краю станицы, то идти предстояло довольно далеко.

Выйдя изъ двора, Михайла Нагибинъ, указывая пальцемъ впередъ, обратился небрежно властно, какъ онъ привыкъ обращаться со своими пріятелями, къ Гришкѣ: «ну, иди впередъ, а мы за тобою — ты начальство».

Гришка зашагалъ впереди, а группа нарочито поотстала, чтобы обмѣняться мыслями.

— Значитъ, дядѣ Ивану Хорсову крышка? — спросилъ шопотомъ одинъ.

— Значитъ, такъ, — отвѣтилъ такъ же тихо Михайла.

— Гляди, Михайла, а нельзя бы намъ собраться да навести имъ, проклятымъ русопетамъ, трубу — аль, мы не справимся?

— Справимся, довольно насъ, да они и сволочь — всѣ эти мужичишки... почти никто не умѣетъ и стрѣлять-то изъ винтовки.

— Такъ зачѣмъ же остановка?

— А затѣмъ, отвѣтилъ Михайла: что завтра пришлютъ со станціи отрядъ съ пулеметами и пушками — и отъ станицы ничего не останется.

— Правда, Миша! Бѣда наша... но, говорятъ, скоро наши придутъ — охъ, и покажемъ же мы имъ...

— Не покажешь, убѣгутъ раньше.

Гришка шелъ впереди, понутивъ голову. Пристать къ своей командѣ ему было стыдно. Глядѣть по сторонамъ — тоже стыдно. Винтовка, которую онъ несъ въ правой рукѣ, была ему упортивна. Гришка совсѣмъ не ожидалъ, что дѣло приметъ тако йоборотъ, что ему, предавшему Хорсова, оговорившему его, придется идти его арестовывать и, можетъ быть, разстрѣливать. По существу, Гришка не былъ злымъ человекомъ, — такъ, выросъ почти безпризорнымъ на улицѣ, при пьяномъ отцѣ и забитой матери; рано сталъ пьянствовать, играть въ карты и лото, а для этого нужны были деньги; для добычи же денегъ нужно было воровать.

Собственно ни до коммунизма, ни до большеизма ему никакого не было дѣла и ничего онъ въ нихъ не понималъ. Присталъ потому, что позвали, и потому еще, что думалъ хорошенько погулять. Къ Ивану Антоновичу онъ никакой настоящей вражды не чувствовалъ; напротивъ, даже уважалъ его и за силу, и за доброту, и за снисходительное отношеніе къ его, Гришкинымъ, порокамъ. «А вотъ, поди-жь ты... чортъ попуталъ», рѣшилъ Гришка: «какъ я теперь буду глядѣть въ глаза имъ... чортова дура — наработалъ».

Когда подошли къ дому Хорсовыхъ, Гришка потребовалъ отъ казаковъ, чтобы они вошли во дворъ одни, взяли бы Ивана Антоновича, а онъ, Гришка, подождетъ за дворомъ, но Михайла Нагибинъ схва-